

СБОРНИК РАССКАЗОВ №4

Морские ДОСУГИ

Морские истории и байки

Коллектив авторов
Морские досуги №4

«Горизонт»

2019

Коллектив авторов

Морские досуги №4 / Коллектив авторов — «Горизонт»,
2019 — (Морские истории и байки)

ISBN 978-5-6042237-4-1

Сборник «Морские досуги» № 4 – очередной сборник морских рассказов серии «Морские досуги». В книге рассказы, маленькие повести и очерки, объединенных темой о море и морях гражданского и военно-морского флота. Авторы, не понаслышке знающие морскую службу, любящие флотскую жизнь, в юмористической (и не только!) форме рассказывают о виденном и пережитом. Книга рекомендуется для чтения во время «морского досуга» читателя. В книге представлены авторы: Алексей Макаров, Валерий Самойлов, Михаил Чурин, Сергей Опанасенко, Сергей Акиндинов, Иван Муравьев, Вадим Кулинченко, Андрей Данилов, Андрей Осадчий, Сергей Балакин, Владимир Цмокун, Юрий Ткачев, Виктор Блытов, Валерий Граждан, Виктор Белько, Иван Муравьев, Сергей Черных, Сергей Литовкин, Николай Станиславский, Николай Ткаченко, Николай Каланов.

ISBN 978-5-6042237-4-1

© Коллектив авторов, 2019

© Горизонт, 2019

Содержание

Михаил Чурин	6
Зима	6
Сбылось	9
Действие непреодолимой силы (форс-мажор)	12
Прощание старого парохода (на ремонт)	20
Сергей Литовкин	22
Гардемарины	22
Алексей Макаров	26
Нельсон	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Коллектив авторов Морские досуги № 4

© Каланов Н.А.

© На обложке фото Юрия Масляева

Михаил Чурин

Зима

Какая в этом году выдалась холодная зима! Столбик термометра уже неделю не поднимается выше минус двадцати восьми градусов. Но караван все же пробился в заветный порт, только два часа назад портовые буксиры в сплошной ледяной каше закончили расстановку прибывших судов. Подойти вплотную к стенке все же не удалось – сильный прессованный лед прилип к причалу. Суда, утомленные недельной ледовой проводкой, стояли безмолвно у причалов, на которых мела поземка, заметая их снегом. Сами суда напоминали больших снеговиков, вместо глаз которых просматривались иллюминаторы ходовых мостиков. Команды начали готовиться к грузовым работам, на крышках трюмов появились люди, сметающие снег. Быстро темнело, на палубах включили освещение. От этого казалось, что вновь усиливающийся ветер к утру заметет снегом весь порт.

Комиссия на приход отработала спокойно, безразлично проверив заполненные приходные документы – судно, наконец, получило «свободную практику», теперь можно общаться с берегом. Николай Николаевич, проводив комиссию до трапа, поднялся на мостик, необходимо было определить, к какому причалу поставили судно его товарища, с которым он в свое время вместе учился на одном курсе. Когда они встречались в последний раз, Николай уже точно не помнил, и вот надо же так было случиться, что им пришлось следовать вместе в одном караване. Сергей работал также капитаном, но в этот раз судьба закинула его, как отметил Николай, на судно весьма преклонного возраста. Современный радар на компасном мостике старого теплохода смотрелся даже противоестественно, как в этих случаях говорят: «как на корове седло». «Как он там на такой старушке, да еще в таких сложных ледовых условиях? На современном-то судне не пробиться», – беспокоился Николай за своего однокурсника. За неделю, проведенную в совместных усилиях по преодолению ледовых полей, они много общались по УКВ-радиостанции, смогли вспомнить и обговорить многое: совместную учебу, кто, где и как трудился, кто с кем общается, обсудить и личные вопросы. А вспомнить, как оказалось, можно было очень многое.

На мостике принтер начал отстукивать текст принятого сообщения. Послание было от судовладельца, в нём сообщалось о том, что по имеющимся сведениям предстоящий выход каравана из порта, всего скорей, будет последним этой зимой. По причине тяжелой ледовой обстановки следующий караван запланирован на выход из порта только с наступлением весенних оттепелей. Поэтому Николаю Николаевичу предписывалось быстро, пока ледокол выводит суда на рейд, произвести погрузку, оформить отход и выйти, «кровь из носа», в рейс в составе этого последнего каравана. Да, задача поставлена не из легких: в первую очередь, трудность выполнения заключалась в том, что ход и темп погрузки абсолютно не зависел от капитана. Скорее наоборот, капитан зависел от порта и их усилий. Николай Николаевич вызвал к себе старшего помощника и проинструктировал его с учетом последнего указания судовладельца: «Федор Иванович, готовьте судно к погрузке, нам надо успеть к выходу каравана. Ледокол поведет суда послезавтра. Следующий караван на выход будет весной».

Проинструктировав подчиненных, Николай Николаевич отправился в гости к своему однокашнику на судно. У трапа, как это положено, его встретил вахтенный матрос. Все мысли капитана были заняты осмыслением полученной команды: «выйти, «кровь из носа», в рейс в составе этого последнего каравана», но на каком-то подсознании капитан все же отметил, что в облике вахтенного матроса что-то смотрится противоестественно, что конкретно, он не понял, но что-то было не так. Его проводили в каюту капитана.

Войдя в кабинет, Николай Николаевич был неожиданно озадачен: первым впечатлением было чувство, что он переместился во времени – оказался в капитанской каюте, как ему показалось, прошлого столетия: низкий подволоок (потолок), какие-то странные переборки, да еще и мебель вызвала удивление. Картина дополнялась тусклым светом, исходящим из подвальных светильников странной конструкции. Сергей вышел из-за стола и с распростертыми объятиями направился навстречу гостю. Хозяин каюты был в форме при полном параде, на форменном кителе отчетливо смотрелся нагрудный знак капитана дальнего плавания. В каюте было откровенно холодно, и на ногах хозяина Николай увидел совершенно не сочетающиеся с его внешним видом старые войлочные ботинки «прощай молодость». Первое, что он отметил, это то, что Сергей за эти годы сильно изменился, постарел. Они обнялись, хозяин каюты пригласил Николая присесть, предложил чаю: «Виски не предлагаю – сейчас не до этого». Но гость, сославшись на нехватку времени, от чая отказался. «Ну, как ты? Как настроение?» – начал разговор Николай. Сергей все же поставил горячий чайник, какие-то печенюшки и еще что-то перед ним.

– А что я – видишь, работаем. Вот только что получил команду судовладельца – необходимо выйти с этим караваном в рейс, иначе застрянем до весны. А ты как?

– Я тоже получил такую команду, надо обязательно выходить. Боцман отдраил лючки балластных танков – там уйма льда на переборках, даже приблизительно невозможно определить сколько. Балласт промерз на переходе. Уже откатываем, через час начинаем погрузку, а сколько балласта останется в танках в виде льда, неизвестно, – поделился своими тревогами Николай.

– А что грузить собираетесь? – задал вопрос хозяин каюты.

– Металл в рулонах. Единственное, что немного успокаивает, это то, что партия груза не на всю грузоподъемность, будет свобода маневра и запас осадки. А вы, под какой груз пришли? – задал в свою очередь вопрос Николай.

– У меня все гораздо сложнее. Грузить предстоит уголь и команда – грузить на полную грузоподъемность. А в балластных танках та же ситуация – много льда, – в свою очередь поделился своими проблемами Сергей, – посмотрим, что из этой затеи получится. А затем сразу же перешел на другую тему: «Слушай, Николай, а ты что, так и ходишь по порту в валенках?»

– Так и хожу, чего стесняться, мороз какой? А что ты спрашиваешь? – насторожился Николай.

– Ты у нас всегда раньше был пижон, а сейчас прямо по порту так и ходишь в обычных валенках. А если серьезно, то хочу поинтересоваться, а у тебя на «пароходе» есть еще валенки? Я сам-то вот одел, что подвернулось. Настройка, пока шли, вымерзла, в каюте всего плюс пятнадцать, вот и хожу в своих «чунях». В салоне команды температура еще ниже. Все, что можно включено, даже электрокамин в сауне. Вон дверь открыли в бане и греемся. Но это не самое плохое. Самое плохое, что у меня на борту нет валенок. Матросы стоят у трапа на морозе по четыре часа в ботинках. Тулупы есть, а элементарных валенок нет. Если у тебя есть валенки, дай взаймы на стоянку. Хотя бы две пары – в одних стоим на вахте, другие греем для вахты. Перед отходом вернем, – попросил однокашник. И только сейчас Николай Николаевич понял то, что ему показалось странным в облике вахтенного матроса у трапа: матрос стоял у трапа в меховом тулупе и в относительно легких для этого мороза ботинках.

– У меня на борту валенки есть, матросы обуты все. А вот про запасные надо уточнить у боцмана, сколько. Если есть, то боцмана и пришлю, – был ответ коллеги.

Через час матросы Сергея стояли на вахте в валенках. Жить стало веселее, а стоять вахту теплее.

На третьи сутки к обеду портовые буксиры и ледокол закончили выводить суда. Караван был готов начать движение. Предпоследним в порядке стоял теплоход Николая Николаевича. Замыкающим был его старый товарищ по учебе Сергей. Валенки они вернули в самый послед-

ний момент, когда комиссия на отход уже подходила к трапу теплохода. Теперь старое судно Сергея не вписывалось в общую зимнюю картину. Большая надстройка последнего в порядке теплохода чернела на фоне белого ледового поля и таких же занесенных снегом коллег, стоящих в готовности начать движение за ледоколом. Угольная пыль покрывала и палубы последнего в караване судна.

Замываться они будут через девять суток, когда ледокол выведет караван на чистую воду, когда температура перевалит на плюсовые значения, когда можно будет вооружить пожарную магистраль для помывки судна.

Сбылось

Отец моряк, и дети на море глядят

Молодая женщина присела на табуретку рядом с детской кроваткой и долго с любовью смотрела на сына, безмятежно спящего в этот уже далеко не ранний час. Затем она посмотрела на часы, весящие на противоположной стене небольшой комнаты, покачала головой, улыбнулась, и все же, решив будить маленького мальчика, коснулась его плеча. Спящий ребенок заворочался на кровати, а от второго прикосновения открыл глаза. Петя еще не совсем проснулся и начал тереть глаза маленькими кулачками.

– Мама, а папа придет сегодня с корабля? Мы же собирались пойти гулять все вместе, – был первый вопрос сына.

– Нет, папа сегодня не придет. Он в море. А вот посмотреть, вернулся он или нет, это мы с тобой можем сделать, – спокойно ответила мама, стараясь не расстраивать сына.

Позавтракав и приведя себя в порядок, они вышли из дома и вдвоем направились к ближайшему скверу. На улице было жарко. Южное солнце поднялось уже высоко, и от этого воздух приобрел особую прозрачность, свойственную южным приморским городкам. Деревья стояли совершенно неподвижные, казалось, что по случаю выходного дня они тоже решили немного отдохнуть. По тротуарам важно вышагивали голуби, они совершенно не боялись прохожих. Тут же сустились местные воробьи, пытаясь во всем опередить своих ленивых крупных соседей – голубей. Пройдя тенистый сквер, мама с сыном направились к городской набережной. Народу на набережной, несмотря на выходной день, было мало – местные жители и приезжие, похоже, решили провести свободное время в общении с морем. Вдали просматривался ближайший городской пляж. Даже издали было видно, что он переполнен.

На рейде одиноко стоял на якоре военный корабль. Мама зорким взглядом жены командира корабля определила, что тральщик.

– Мама, а это не папин корабль стоит на рейде? – с надеждой спросил Петя.

– Нет, сынок, это не папин корабль стоит. Папин сейчас далеко в море. Так что нам придется немного подождать, когда он вернется, – сказала мама.

Тут же на набережной рядом с ними остановился мужчина также с маленьким мальчиком, который, как и наши главные герои, обратил внимание на стоящий на рейде корабль.

– Папа, а что это за кораблик там, в море стоит? – спросил своего папу мальчик. Папа стал всматриваться в морскую даль, пытаясь рассмотреть стоящий на рейде корабль, для этого он даже снял свои очки. После изучения стоящего на рейде объекта, папа тоном заправского специалиста, обращаясь к сыну, произнес:

– Какой кораблик стоит в море? Володя, это стоит подводная лодка.

– Папа, как интересно, – была реакция маленького мальчика.

Мама не стала брать под сомнение сказанное взрослым мужчиной и подрывать папин авторитет, хотя была немало удивлена такими познаниями в области морского флота. Но все же решила поинтересоваться:

– Извините, а вы к нам из какого города приехали? Вы отдыхающие?

– Да, мы отдыхающие. А приехали издалека, из Сибири. Приехали к вам в санаторий для лечения. У Володи большие проблемы с позвоночником, – спокойно объяснил незнакомый папа. При этом маленький Вова как-то виновато, как показалось маме, посмотрел сначала на папу, а потом и на незнакомую тетю.

Пожелав здоровья новым знакомым, мама с сыном направились гулять в парк. Пете удалось покататься на маленьком паровозике, который тянул аккуратные вагончики с такими же маленькими девочками и мальчиками, как и сам Петя. Мама предложила посидеть, отдохнуть в летнем кафе. Там за маленьким столиком они немного перекусили, а в завершение поели мороженого. Выйдя из кафе, направились вновь на городскую набережную. Людей здесь стало значительно больше, нежели в первой половине дня. Оказавшись на набережной среди отдыхающих, мама с сыном отметили, что корабль, стоящий на рейде, исчез.

– Мама, а где кораблик? Куда он подевался? – спросил Петя.

– Наверное, пошел встречать другие корабли, – был ответ мамы, – может быть, папа скоро будет дома.

– Мама, как здорово, папа скоро будет с нами, – обрадовался маленький Петя.

На обратном пути Петя не мог успокоиться: «Значит, скоро папа вернется домой». Он не мог усидеть на месте – бегал и прыгал, даже задевал отдыхающих, прохаживающихся по дорожкам сквера. Чтобы успокоить сына, мама предложила присесть, отдохнуть на скамейке, что они и сделали. Но Пете не сиделось на месте. Он постоянно вскакивал и пускался бегать вокруг скамейки: «Папа скоро будет с нами». Мама решила все же успокоить сына, и когда Петя, уже сильно вспотевший, все же остановился перед ней, она только и успела сказать: «Петя, да успокойся же». Но Петя не унимался – обогнув скамейку, пустился на следующий круг. Мама в сердцах крикнула ему вслед: «Колин, да успокойся ты, наконец. Колин, слышишь, что я тебе говорю?»

Мимо скамейки проходили два молодых морских офицера, видимо, из военного порта, где все друг друга знают. Они с интересом посмотрели на молодую женщину и бегающего вокруг неё мальчика. Один из них обратился к другому: «Смотри, какой малыш молодец. Такой же быстрый и настойчивый, как папа. Тоже, наверное, будет морским офицером». Далее молодые люди, улыбаясь, проследовали по своим делам.

Слова молодого офицера оказались пророческими. Через пятнадцать лет Петр поступил в высшее военно-морское училище, а еще через пять лет стал офицером.

Действие непреодолимой силы (форс-мажор)

1

Продолжить рейс уже не было никакой возможности, теплоход приступил к штормованию носом на волну. Капитан Александр Иванович Дроздов, давно уже не сходивший с мостика, установил ручки машинного телеграфа на малый ход. Качать стало значительно меньше, но огромные волны стали наезжать на носовую оконечность судна. При каждом ударе волны судно дрожало всем корпусом, как будто взывая о помощи. Волнение продолжало усиливаться, и теперь скорость судна начала падать до критических значений. Во избежание потери управляемости, Александр Иванович установил ручки телеграфа уже на средний ход, судно, как бы выйдя из сонного состояния, стало набирать ход. Но в этот момент огромная волна ударила в нос судна, да так, что водные потоки и массы брызг закрыли весь горизонт. Очистители стекол рубки не могли справиться с потоками воды, достигшими иллюминаторов ходовой рубки. Было впечатление, что очистители стекол просто окунули в воду. При этом судно неожиданно получило значительный крен на левый борт. Александру Ивановичу показалось, что это состояние длится целую вечность. Затем волна пронеслась по надстройке, заливая потоками воды все судовые конструкции. Теплоход, тем не менее, нехотя выпрямился и встал на ровный киль.

В этот момент Дроздову показалось, что видимость стала значительно лучше, хотя темные грозовые тучи продолжали нависать над судовыми мачтами. Волна прошла, и первое, что увидел капитан, был грузовой контейнер, ранее установленный на крышке второго трюма, а теперь сместившейся со своего штатного места. «Так и есть: палубный контейнер волной сорвала со своего места, дело приобретает серьезный оборот», – успел оценить ситуацию Александр Иванович. Капитан дал команду вахтенному третьему помощнику занести этот факт в черновой вахтенный журнал, а сам позвонил старшему помощнику, вызвав его на мостик.

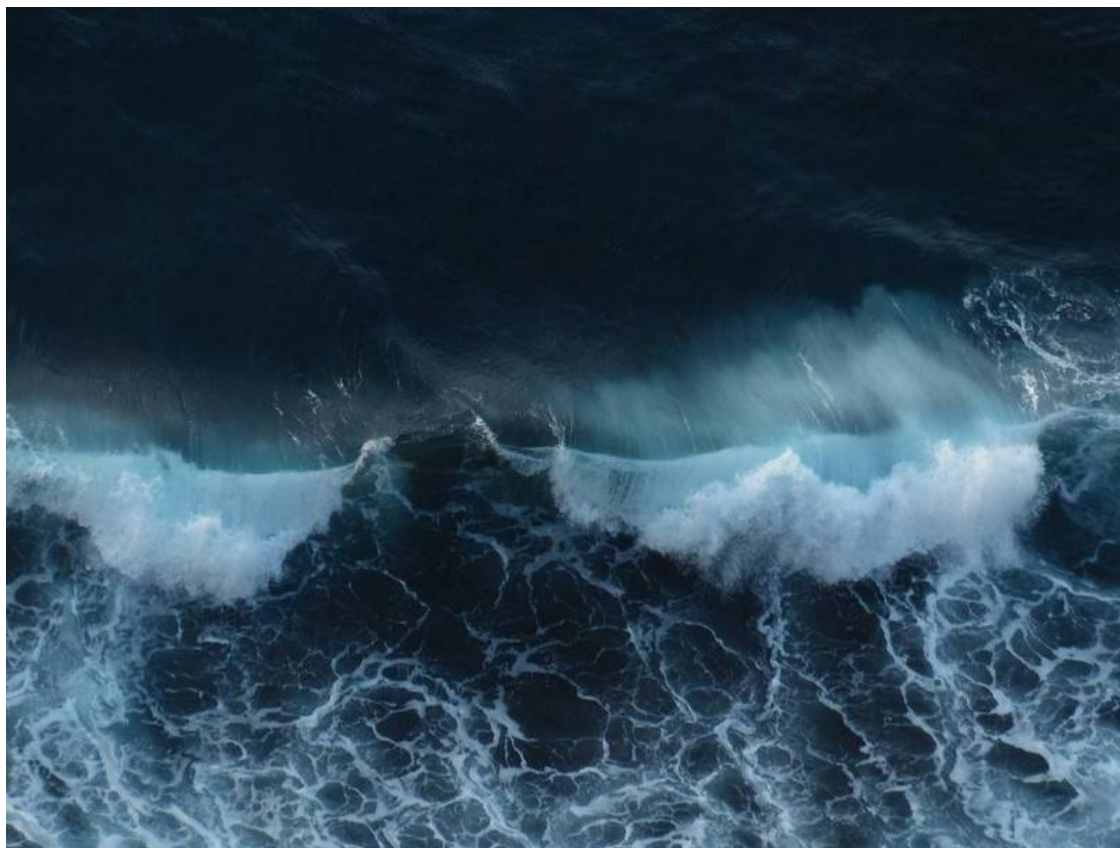
2

В период между налетающими мощными потоками воды капитан со старшим помощником пытались определить положение поврежденного контейнера. Стало очевидным, что тот потерял крепление и еще больше сместился к кормовой части трюма. Вскоре после встречи с очередной сильной волной контейнер уперся в вентиляционную колонку, расположенную на главной палубе между крышками трюмов.

«Александр Иванович, необходимо людей посылать ко второму трюму попытаться произвестить крепление. Волнение очень сильное, но это необходимо сделать. Я сам возглавлю аварийную партию», – высказал видение этой ситуации старший помощник. «Валерий Петрович, да, это необходимо сделать. Но мы можем просто потерять людей. Прежде всего, необходимо протянуть хотя бы аварийный леер. А как это сделать на таком волнении? Всех смоем за борт».

«А меня включите в аварийную партию, я попытаюсь провести до второго трюма конец», – обратился к капитану, стоящий на вахте третий помощник. «Иван, давай заканчивай фантазировать. Ты мне нужен здесь, на мостике», – был ответ капитана, а думы его были совершенно другие: «Вот молодо-зелено, туда же. Не успел еще опериться в своих непосредственных обязанностях, а уже лезет в герои». Третьего помощника посылать категорически было нельзя, совсем еще «зеленый». Крепление контейнера надо поручить опытным, зрелым и проверенным людям».

– Так, Валерий, пойдешь главным, переговори с боцманом и вторым механиком. Приказывать в этой ситуации не получится, нужны добровольцы».

3

Команда добровольцев была готова приступить к выполнению опасного задания. Выходить было решено через дверь на шлюпочной палубе, а затем по трапам спуститься на главную палубу и по подветренному борту попытаться пробраться ко второму трюму. В этом случае путь значительно удлинялся, но это было менее опасно, тем более что возможность попадания воды в надстройку практически исключалась. Капитан на мостике вновь убавил ход теплохода, заливаемость судовых поверхностей уменьшилась, но теплоход опять начало валить вправо и влево, он плохо слушался руля. Александр Иванович внимательно отслеживал перемещение аварийной команды. Вот первым перед надстройкой появился старший помощник, он в паре со вторым механиком пристегнул аварийный трос к грузовому рыму на лобовой части надстройки. Боцман, пожилой мужик, много проплававший на своем веку, у которого за плечами был огромный опыт работы, остался страховать командиров. Ему помогал матрос Иван Костров, упросивший старшего помощника участвовать в креплении палубного контейнера. Старпом со вторым механиком, очень аккуратно попеременно работая страховочными карабинами, постепенно пробрались к крышке второго грузового трюма. Несколько огромных волн полностью накрывали смельчаков, но они каждый раз успевали зацепиться за набор высоких комингсов грузовых трюмов. Аварийный трос-проводник, наконец был подан в район кормовой части второго грузового трюма и усилиями двух человек был закреплен. Самая опасная часть операции была выполнена. Вслед за командирами к трюму направился боцман, уже пристегнутый к проводнику. Петрович, как его просто называли матросы, на спине нес вещевой мешок с аварийным инструментом и крепежным материалом. Необходимо было закрепить контейнер,

исключив его дальнейшее смещение. Валерий Петрович, улучив момент между набегающими огромными волнами, прополз к контейнеру и нырнул в межкомнатное пространство грузовых трюмов. Здесь можно было и передохнуть, но после каждой накрывающей волны ниша заполнялась водой, не успевающей уходить с палубы через огромные голубицы (вырезы в наборе комингсов трюмов для стока воды). Вслед за ним к аварийному контейнеру пробрались второй механик и боцман. Прицепившись к рыму вентиляционного грибка второго трюма, старший помощник осмотрел повреждение креплений контейнера. Так и есть, лопнул крепежный зажим, выскочивший из специального палубного «башмака» – зацепа. Самым неприятным в этой ситуации было то, что контейнер навалился на вентиляционный грибок и при каждой набегающей волне давил на верхнюю часть конструкции. О возвращении контейнера на первоначальное место не было и разговоров. В судовых условиях, да при такой погоде, это было просто невыполнимой задачей. Обсудив ситуацию, старший помощник с боцманом завели трос в нижний рым контейнера и протаскивали его к набору комингса. По очереди, работая с аварийным талрепом, набили трос. Проследив поведение контейнера при ударах волн, отметили, что контейнер больше не ползает по крышке грузового трюма. Затем для надежности завели второй конец-дублер. Да, контейнер больше не ерзал по крышке, давление на грибок вентиляции, похоже, стало значительно меньше.

Немного передохнув, аварийная команда двинулась в обратный путь. В этой ситуации самым главным было успокоить себя и ни в коем случае не торопиться. Вскоре все благополучно пробрались к надстройке теплохода, где их встретил матрос. Он сразу же начал рассказывать, как он волновался, как ему казалось, что время шло медленно, ну а теперь все будет хорошо. У старпома даже мелькнула мысль: зря взяли Василия, рано ему еще ходить в такие походы, больно уж впечатлительный. В подобных случаях требуется холодный рассудок и выдержка. Команда поднялась на шлюпочную палубу и взойшла в надстройку теплохода. Капитан добавил оборотов, судно сразу же начало получать удары набегающих волн. Александру Ивановичу показалось, что за время работы аварийной команды на палубе волны стали еще больше. «Самое главное, чтоб контейнер не проломил вентиляцию» – было его главной мыслью в этот момент.

Вскоре раскрасневшийся от сильного ветра и продрогший старший помощник поднялся на мостик. Он доложил о проделанной работе и отметил, что его тревожит вентиляционный раструб, на котором фактически зацепился контейнер. Но при этом он высказал надежду, что при закреплённом контейнере, последующей подвижки все же не произойдет.

4

Да, Александр Иванович оказался прав: размеры набегающих волн продолжали увеличиваться. Отдельные из них достигали огромной высоты, и каждый раз при очередной встрече с такой волной бак судна просто нырял в морскую пучину. А затем, напрягаясь изо всех сил выныривал на поверхность. Судно дрожало всем корпусом крупной дрожью, машина упиралась, пытаясь обеспечить теплоходу хотя бы минимальный ход вперед. Казалось, что даже картушка гирокомпаса с каждой такой встречей начинала визжать по-особенному, словно вызывая о помощи.

К ночи с наступлением темноты волны стали еще больше, машина с трудом справлялась с натиском стихии. На вахту заступил второй помощник капитана. Третий, сдав вахту, прошел в штурманскую, приступил к заполнению вахтенного журнала. Капитан, который, казалось, провел на мостике целую вечность, выбрав подходящий момент, решил пройти к себе в каюту. Спускаясь по высокому судовому трапу на жилую палубу надстройки, капитан зацепился за что-то мягкое. В полумраке он даже не сразу понял, кто улегся под трапом мостика. Это была

буфетчица Оксана – молодая, общительная, но, как многие считали в экипаже, весьма недалекая представительница судового камбуза.

– Оксана, ты? Что ты здесь улеглась? – капитан не пытался даже скрывать своего удивления.

– Александр Иванович, мне страшно. А вам? – безо всякий предисловий, выдала буфетчица.

– Оксана, о чем ты говоришь? Конечно, страшно, вот видишь в галльон бегу. Давай вставай и иди к себе спать, – капитан шуткой решил успокоить молодую девушку.

– Александр Иванович, а мы не утонем? Так страшно, – опять начала про свое Оксана.

– Успокойся, все будет хорошо. Не бойся, это обычная штормовая погода. Иди к себе, тебе необходимо отдохнуть, – капитан отправил буфетчицу в каюту, а сам подумал: «Да, если бы обычная. Да, если бы не контейнер, тогда это была бы обычная ситуация. А так, очень тревожно». Документы на погрузку палубного груза агент принес в самый последний момент перед отходом, да и телеграмма от судовладельца о дополнительной загрузке пришла с большим опозданием. Так, что он мог бы и не брать эти четыре контейнера на крышки второго трюма. Наверное, и крепили их, не особо проверив исправность крепежного материала.

5

Отстояв на мостике со вторым помощником, Александр Иванович, проинструктировав старпома, все же спустился к себе в каюту. После четырехчасового отсутствия, каюту было не узнать. Не смотря на то, что все вещи были заранее закреплены, а некоторые из них просто уложены прямо на палубу каюты, все это повывскакивало из своих ниш, сдвинулось с места или расползлось по каюте. Кое-как наведя порядок, капитан хотел было все же отдохнуть, возможно, даже поспать, хотя бы час. Но через полчаса он был вынужден опять подняться на мостик – судно получило два мощных удара волн в надстройку, это говорило о том, что ситуация продолжала ухудшаться, шторм продолжал свой рост и напор.

Капитан со старпомом, периодически включая судовой прожектор, пытались отслеживать ситуацию на крышке второго трюма. Но постоянная кутерьма на открытой палубе из-за потоков воды, стены брызг, дождя и черной тьмы за бортом, не позволяла отследить положение контейнера, но, похоже, контейнер пока был на прежнем месте.

С рассветом ситуация стала проясняться. Да, контейнер за ночь устоял. Но волны, волны – они были огромны. Определить место астрономическими способами не представлялось возможным, судно окружала сплошная стена низких свинцовых туч, извергающих мощные дождевые потоки. А скоро необходимо будет посылать диспетчерскую судовладельцу.

Вдруг старший помощник как бы замер, вглядываясь в пространство перед судном. Александр Иванович инстинктивно также стал внимательно всматриваться в утренние сумерки впереди судна. Первой мыслью Александра Ивановича было то, что этого просто не может быть или, что он просто не совсем правильно оценивает размеры надвигающийся водной горы. Нет, он правильно её оценивает. Второй стремительной мыслью, пронзившей его сознание, была мысль о последствиях от встречи с такой волной. Да, это правда. Все же они есть эти волны, волны-убийцы. Вот сейчас она нас накроет. Старпом замер у пульта мостика, Александра Ивановича поймал на себе его взгляд – надежду на спасение.

Волна налетела на судно. В одно мгновение ничего не возможно было понять, судно получило ужасный крен на левый борт. Первое, что успел осмыслить Александр Иванович, было ощущение конца. Да, вот на этом и все. Все....

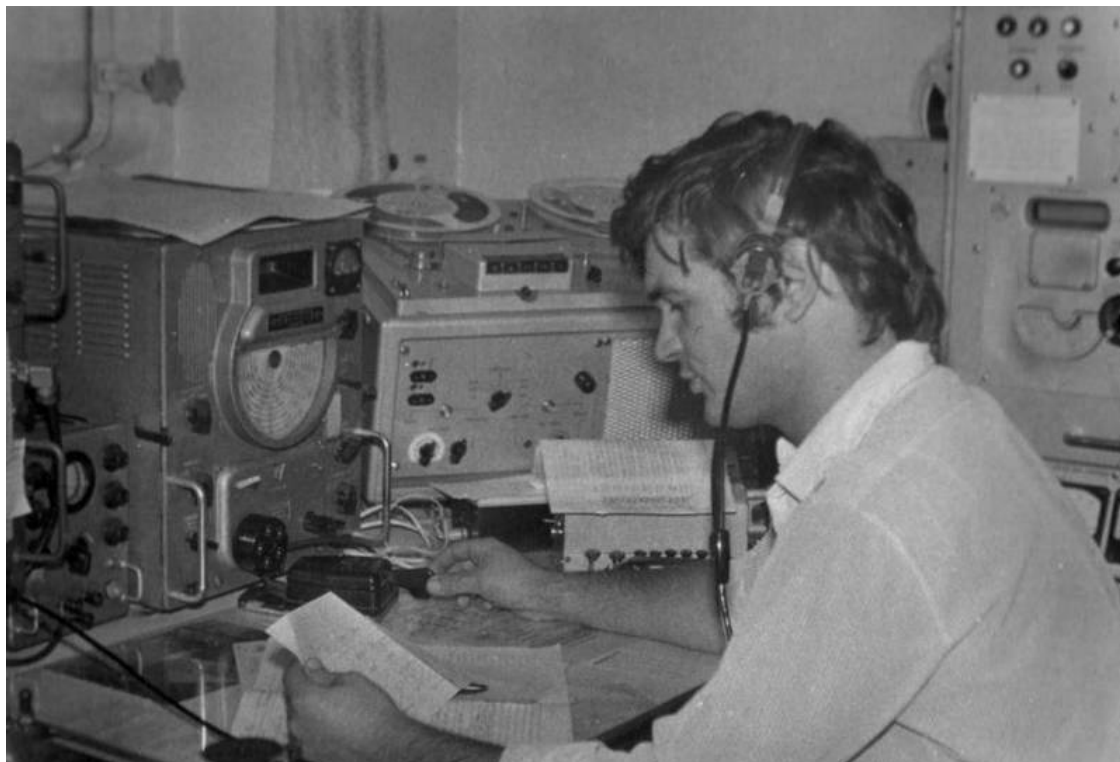
Капитану показалось, что он слышит какой-то грохот или треск. Волна пронеслась по судну. Огромные потоки воды неслись с накренившихся палуб теплохода. Судна осталось с огромным креном и только через какое-то время начало медленно выравниваться. Это время

показалось присутствующим на мостике вечностью. Судно все же тяжело выровнилось, но стать на ровный киль ему уже было не суждено. Крен составлял восемь градусов на левый борт. Волна прошла, капитан с тревогой оглядел сместившийся контейнер. Да, он сместился еще больше. А самое страшное было то, что он окончательно наехал на вентиляционный раструб и, похоже, его еще и повредил. Сам контейнер тоже получил повреждения – развернутый боком к волне, он просто был сдавлен налетевшей водной стеной. Но это в сложившейся ситуации было уже не самое главное. Страшнее было то, что, контейнер сорвал с места вентиляционный раструб-грибок – судно получило водотечность. При такой волне это было гарантией поступления воды во второй трюм.

6

Капитан вызвал начальника радиостанции: «Егор Владимирович, необходимо выяснить, какие суда находятся поблизости с нами. Дело серьезное, возможно придется просить помощь. В этих условиях нам крен не выправить. Я полагаю, что в третьем номере (трюме) произошло смещение груза. В других трюмах этого произойти просто не могло. А если смещение все же произошло, то такого крена не было бы. Трюма забиты под завязку, кроме третьего: там генеральный груз, вот он и мог сместиться. Сейчас главная задача – не позволить этому крену дальше увеличиваться, тем более что мы, хотим или не хотим, начали принимать воду во второй трюм. Вентиляционный канал нам просто не закрыть».

Вскоре в пароходство ушло срочное сообщение о сложившейся ситуации на борту теплохода. В ответ было получена команда постоянно держать в курсе руководство пароходства о развитии ситуации, было дано множество команд или просто советов о возможных вариантах заделки вентиляционного раструба. Но реальная обстановка не позволяла принять полученные указания к исполнению. Они носили поверхностный, а некоторые из них даже просто фантастический подход.

Вскоре в машинном отделении начали откатку поступающей воды из третьего трюма, но крен к восьми часам судового времени достиг десяти градусов, это говорило о том, что и в других трюмах груз начал все же смещаться, прессуясь на накрёненном борту. Александр Иванович дал команду собрать экипаж в салоне команды, где старший помощник провел инструктаж по оставлению судна – надо было готовиться к самому худшему. Команде было приказано готовить индивидуальные спасательные средства, а еще через час, когда крен достиг уже двенадцать градусов, команда надела гидрокостюмы. Все понимали, что перспектив на благополучный исход ждать уже не приходится. «Какого черта я согласился принять эти несчастные контейнеры. Не будь их мы бы спокойно или почти спокойно продолжили бы рейс. А сейчас абсолютно не понятно, чем все это еще закончится, – про себя ругался Александр Иванович, – вот так, из-за этих контейнеров, потерять судно. А что будет с людьми, с экипажем?»

Начальник радиостанции со своим помощником-радистом постоянно поддерживали связь с пароходством и с судами, отозвавшимися на вызов аварийного теплохода. Этих теплоходов было три, ближайший из которых – на восемь часов судового времени – находился в шести часах хода по спокойной воде. Это был собрат по судоходной компании, крупный сухогруз, он уже по команде судовладельца изменил курс в сторону аварийного судна.

К десяти часам крен увеличился до пятнадцати градусов. По палубам теплохода стало просто невозможно перемещаться. Капитан собрал на мостике командиров: «Так, ребята, наше дело «труба». Вряд ли мы продержимся до подхода нашего коллеги. Так даю команду быть готовым в любой момент к оставлению судна. Шлюпки при этом крене мы спустить просто не сможем, поэтому необходимо рассчитывать только на спасательные плоты. Как там наши женщины? Еще ночью Оксана мне заявила, что ей очень страшно. Валерий Петрович, поручаю вам контролировать нашего повара Нину Степановну, а вам, Сергей, – он обратился ко второму помощнику, – взять на себя заботу о буфетчице. Она конечно, бестолковая, но, когда надо, боевая. А ты Владимир – он повернулся к третьему помощнику, – берешь на поруки нашего практиканта Вадика. Валерий Петрович, подготовь всю необходимую документацию для эвакуации на плоты. Всем быть готовым к оставлению судна. Ждите команды. Всего скорей придется её все же давать». Александр Иванович закончил инструктаж командиров. Все понимали, что, возможно, они все вот так вместе видятся в последний раз. «Зачем я взял эти контейнеры», – капитан отогнал в очередной раз никому не нужные рассуждения, – сейчас главное не пропустить тот момент, когда надо будет давать команду на оставление судна, чтоб было еще не рано, но и уже не поздно». Старший помощник не стал рассказывать капитану, что обе женщины уже к моменту импровизированного инструктажа на мостике находились в ужасном положении: буфетчица была практически в полуобморочном состоянии, а повару приходилось уже два раза просто приводить её в чувства подручными средствами, включая нашатырный спирт и прочее. Наступал момент истины.

8

Лучше всех в этой ситуации чувствовал себя практикант Вадик, учащийся третьего курса мореходки, он пытался даже шутить над поникшими членами рядового состава. Валерий Петрович, обходя коридоры надстройки и пытаясь подбадривать экипаж в этой, казалось, уже безнадежной ситуации, отметил оптимизм молодого матроса-практиканта: «Вот, дурачок, он воспринимает нашу ситуацию, как какое-то интересное приключение. До него пока еще не дошло, какие последствия надо ждать в ближайшее время».

А волны продолжали свое губительное действие. Погода по-прежнему не собиралась отдавать свои позиции. Волны раскачивали теплоход на громадных водяных качелях. Казалось, свист ветра уже невозможно перекричать. Вокруг судна, крен которого продолжал увеличиваться, происходило что-то невероятное: волны то поднимались до огромной высоты, то стре-

мительно проваливались в бездну, бурлящую и кипящую от этого водоворота. И вот в ближайшее время людям предстояло выйти в последний поединок с этой водной стихией, один на один, каждый. Хотя нет, не каждому одному, а маленьким коллективом в зависимости от того, кому придется спастись на каждом конкретном спасательном плоту.

Александр Иванович в очередной раз вышел на крыло мостика, точнее не вышел, а протаскился до леерных ограждений, хватаясь за ограждение и конструкции. Он вздохнул морской холодный воздух, еще раз огляделся по сторонам. Вокруг кипело и свистело, ухало и бурлило море. Он тем же путем, хватаясь и цепляясь за леера и входную дверь, прополз на мостик и переместился к главной рубочной стойке, ухватившись одной рукой за её леера, он опять посмотрел на судовой кренометр – крен достиг двадцати шести градусов. Судно при каждом колебании надолго задерживалось в крайнем положении, период качки определить было просто уже невозможно. Александр Иванович всем своим нутром ясно почувствовал, что именно сейчас и надо давать команду: «промедление смерти подобно». Он обратился к вахтенному второму помощнику и матросу Сергею:

– Так ребята, быстро на шлюпочную палубу, помните, какой ваш спасательный плот? Помните, молодцы.

– А, вы? – в один голос закричали помощник и матрос.

– Вы слышите, что я вам сказал, быстро на шлюпочную палубу к своему плоту.

Затем он вызвал машинное отделение:

– Петрович, ты уже один в машине? Да? Пора. Давай на шлюпочную палубу.

Держась одной рукой за леерное ограждение рубочной тумбы, Александр Иванович другой рукой начал давить кнопку внутренней судовой сигнализации. Он давил эту кнопку до тех пор, пока команда, уже давно готовая к активным действиям и находящаяся в надстройке, не услышала сигнал, состоящий из семи коротких и одного продолжительного сигнала. Затем они услышали голос капитана по судовой громкоговорящей трансляции:

– Объявляется боевая шлюпочная тревога. Команде оставить судно.

Он машинально отметил и удивился тому, что на судне до сих пор работает даже внутри-судовая связь, которая и в обычных условиях в последнее время требовала постоянного контроля начальника радиостанции.

Команда, поддерживая и помогая друг другу, начала быстро продвигаться на шлюпочную палубу, обдуваемую мощными порывами ветра. Капитан в это время давил уже совершенно

другую кнопку, – кнопку подачи в эфир сигнала бедствия с заложенными заранее координатами места трагедии, этот сигнал должны были принять десятки судов.

9

Александр Иванович опять пробрался на крыло мостика. Обдуваемый крепким соленым ветром, он отчетливо видел сквозь стену брызг и дождя, как началась эвакуация команды на спасательные плоты, он видел, как сажали на плот растрепанную буфетчицу Оксану: «Вот уж эти женщины, все они чувствуют наперед», как, похоже, в последний момент до практиканта все же дошло, в какой опасной ситуации находится экипаж, как он, с вытаращенными глазами, пытался судорожно ухватиться за спасательный конец. Он видел, как плоты сразу же стало волной разбрасывать в разные стороны, быстро унося их от борта судна, уже ушедшего под воду. Ему махали руками, он видел, как старший помощник тянул время и пытался удержать последний плот у борта.

10

Капитан Дроздов все просчитал заранее и даже то, что в этой сложившейся ситуации он уже не будет спешить. Волны все наседали, и судно, как раненый зверь, уставший бороться со своими преследователями, окончательно потеряло остойчивость и все стремительнее начало заваливаться на левый борт. Капитан успел вскарабкаться по уходящей из-под ног палубе в ходовую рубку теплохода и плотно закрыть за собой дверь. «Вот и все. Люди на плотях, и есть надежда на их спасение», – было последней мыслью капитана.

Прощание старого парохода (на ремонт)

Большое видится издалека.
В итоге время все решает.
За бортом океан, а пока
штурман курсы и мили считает.

Отпустите, отпустите друзья.
С пониманием разлуки считайтесь.
Надо ехать домой, дорогие моря
Вы поймите меня, постарайтесь.

Я отдал вам свой срок,
избегая циклоны и мели.
Не пора ли встать в док
и швартовки, ах как надоели.

Острова и заливы, ледяные поля,
с экипажем уже попрощался.
Не зовите вы больше меня,
я и так очень долго скитался.

Ухожу я земные проблемы решать.
На море с берега смотреть не запретишь
и буду постоянно вспоминать
валы большие или гладь и тишь.

Я, конечно, вернусь, дорогие моря,
оторваться от вас не сумею.
Я моряк, это доля моя
и единственное, что я умею.

Большое видится издалека,
Время счет ведут машины обороты.
За бортом океан, а пока
У механиков – ремонтные работы.

Чурин Михаил Юрьевич

В 1979 году закончил судоводительский факультет ГИИВТа (ныне Волжский государственный университет водного транспорта) по специальности «морское судовождение». После службы в армии пришел в Беломорско-Онежское пароходство. Преподавал на кафедре судовождения и безопасности судоходства ГИИВТа. В 1991 году пришел в Волжское пароходство на суда заграничного плавания, а еще через год получил диплом капитана дальнего плавания. Через десять лет перешел в частную компанию, где трудился семь лет капитаном на одном и том же судне под флагом Мальты. В настоящее время работает в Нижнем Новгороде деканом факультета судовождения, защитил кандидатскую работу, получил ученое звание доцента.

<https://www.litres.ru/mihail-churin/>

Сергей Литовкин

Гардемарины

Командир сильно раздосадован. Об этом свидетельствует покрасневшее лицо, с которым он предстал перед курсантским строем. Сколько лет уж миновало, но совершенно явственно ощущаю свою принадлежность к сообществу из сотни молодых балбесов, вытянувшегося двумя шеренгами в длинном коридоре второго этажа учебного корпуса училища.

– Хуже всех! – начал он свою речь, передвигаясь от человека к человеку, строго оценивая взглядом каждого, – хуже всех в роте!

Поскольку звание «хуже всех в роте» было переходящим и за многими водились грешки различной степени тяжести, можно было ожидать, что выбор падет на любого.

– Хуже всех, ...хуже всех в роте, – нараспев повторил капитан-лейтенант, демонстрируя в голосе уже не возмущение, а глубокую скорбь и обиду на одного из своих подопечных.

– Опять нам принес оплеуху курсант Ионов. Опять нам всем краснеть за него..., – ротный горько вздохнул и разрядился фразой, ставшей впоследствии классикой курсантского фольклорного сленга: «Тебе, Вова, не водку пить, а г...о через тряпочку сосать».

Потом, разумеется, «Равняйся!», «Смирно!», «Курсант Ионов выйти из строя!»....

Не припомню, сколько нарядов он тогда огреб, но морально был казнен без права на помилование.

Указанной экзекуции предшествовали некоторые события в Нижнем парке Петродворца, но об этом чуть позже.

Сначала об Ионове.

Роста он был среднего, худощавый, темноволосый с очень выразительными глазами, казалось отражающими чувства человека, оставленного на необитаемом острове.

Вова охотно воспринимал в курсантской компании все напитки и не отказывался поддерживать своим участием любое мероприятие, от простого распития четвертинки в тамбуре элек-

трички, до посещения ресторана за червонец на троих. Основная проблема состояла в дозе. Вова сильно изменялся в процессе выпивки. Сначала он, обычно немногословный, начинал участвовать в разговоре, делая неожиданные и остроумные замечания. На этой фазе с ним было приятно и весело общаться. Потом в его взгляде появлялась некоторая скука, он зевал и неожиданно ложился. Он спал, но сон был слишком глубоким и каким-то аномальным. Пульс слабо прощупывался. Одним словом, – вырубался. Пробуждение наступало только после холодного душа и освобождения желудка.

В результате нескольких смелых экспериментов было установлено, что критическая масса водки для ИONOва составляет около 230 граммов. Принятое решение гласило: «Вове стакан без пояска!». Вова не возражал, но никак сам не контролировал дозу, отягощая товарищей этими обязанностями. Он даже себе не наливал и мог сидеть в компании трезвым до тех пор, пока о нем не вспомнят. Так что, если с ним приключалась неприятность, то возникал вопрос: «Какая сволочь Вову напоила?». Одно время его даже опасались брать в компанию, но после того, как Вова на летней стажировке обеспечил дополнительным питанием почти половину взвода, это казалось аморальным.

Дело в том, что одновременно с нами практику в приморском городке проходили выпускники поварского училища. Мы набирались бесценного опыта на береговом радиокomплексе, а девушки работали в кафешке и нескольких ларьках на набережной. Вечно голодные и безденежные курсанты, разумеется, начали проявлять внимание к феям с пирожками, но удача светила только к Вове. Именно тому, у кого и аппетит – так себе. То ли изможденным видом, то ли потеряннм взглядом привлек он внимание пышнотелой начинающей поварихи, но бесплатная кормежка ему и его друзьям была обеспечена на целых три недели. Очередь сопровождать Вову в увольнения расписывалась заранее. Разумеется, кое что из изделий студенток кулинарного техникума было недо- или пере-, но суровая рука голода на то время ослабила свою хватку.

* * *

В тот знаменательный день мне, Андрюхе и Юрке досталось патрулировать в Нижнем парке. И только мы спрятали повязки со штыками, присев отдохнуть в сорокадверке, как появились ребята в защитного цвета форме с повязками – кировцы, соседи по Петергофу. Это был патруль из конкурентно-дружественного общевойскового училища.

– Мужики, – сказал сержант-третьекурсник, – заберите вашего моряка от фонтана. Его на парашет положили, но может свалиться.

Мы пошли в указанном направлении и в фонтане «Солнце» увидели Ионов. Это была иллюстрация к поговорке: «моряк воды не боится». Он плавал и спал. Голова была на берегу, а остальное тело по закону Архимеда вытесняло воду из бассейна под веселыми фонтанными струями.

Мы достали Вову и положили на скамейку, частично отжав брюки и галанку. Дело принимало опасный оборот. Во-первых, Вова мог простудиться и прихватить пневмонию. Было прохладно. Во-вторых, наш взвод уже перевыполнил план по пьянкам раза в два. Ротного вчера таскали в политотдел и распекали с пристрастием. Он потом, как говорят, сидел в старшинской, хватался за сердце и все повторял: «Вот ведь, бёнать...». Мы его могли потерять. А этого не хотелось, так как из известных нам командиров в училище, – наш казался наименее вредным.

Вова, при скромном росте и худобе, был довольно тяжелым. Меняясь по очереди, мы с двух сторон прихватили его под руки и потащили в направлении училища. Он частично пробудился и вяло переставлял нижние конечности, что несколько облегчало задачу. Несколько раз Вова пытался поджать под себя ноги, но, получая заслуженный пинок, снова имитировал походку. Иногда он по-заячьи верещал. Обсуждая по пути насущный вопрос: «Какая сволочь Вову напоила?», вспомнили, что он сегодня увольнялся на час раньше с группой «театралов».

Чтобы выйти в город вперед всех, надо было иметь билет в театр или на концерт. Поэтому на таком построении в 17 часов требовалось предъявить не только короткую стрижку, внешний вид и однотонные носки уставного цвета, но и такой билет на нужную дату. Опытные «театралы» имели штампики и использовали каждый билетик до шести раз, последовательно нанося и выводя оттиски даты хлоркой. Строй любителей культурного времяпрепровождения распространял специфический запах. Самых наглых поклонников сцены с проеденными насквозь вонючими и пожелтевшими бумажками командир молча выгонял из строя. Остальные получали напутствие типа: «Ну, смотрите там. Чтоб без всяких деконорэ-дебальзаков». Что имел наш каплей против французского классика, оставалось тайной, но была понятна его непримиримость ко всяческим безобразиям.

Обменявшись мнениями, мы вспомнили, что у Вовы билет был настоящий и, вроде как, он собирался на концерт Жана Татляна с какой-то девицей. То, что не наши его напоили принесло некоторое облегчение. Собственно, как было дело, мы так и не узнали. Ионов молчал впоследствии, ссылаясь на провал в памяти, и соучастницу так и не выдал.

В таком составе и состоянии через КПП нам было не пройти. Мы доволокли Вову до БПК (банно-прачечный комбинат училища) и успешно перекинули его через забор. Потом нам пришлось темными тропинками доставить тело до роты и, минуя все посты, дотащить до койки, раздеть и уложить. Закончив эту операцию, вернулись в Нижний парк и уже оттуда –

назад в училище через главный парадный подъезд с докладом об успешном завершении патрулирования.

И, все бы прошло без последствий, не случись посетить дежурному по училищу нашу роту в тот момент, когда Вова, не приходя в себя, вышел к нему навстречу из кубрика. Не лежало ему под одеялом. Выглядел он, разумеется, после фонтана и доставки с полетом и волочением – не очень. Кроме того, мы сняли с него мокрую одежду. А мокрое было все. Поэтому голый, бледно-синеватый юноша с закрытыми глазами, двигавшийся навстречу капризу по синусоидной траектории, здорово его удивил. Вызванная дежурная медсестра диагностировала алкогольную интоксикацию и что-то по латыни, после чего Вову отнесли в лазарет. Утром он уже был в роте. Похоже, что ему прочистили не только желудок, но и мозги. Говорил задумчиво и не помнил прошлого. Мы решили ничего ему не рассказывать, но Андрюха не удержался и многозначительно предупредил Вову, что бабы его до добра не доведут. Так, впрочем, потом и оказалось...

После получения звания «хуже всех в роте» Вова больше существенных залетов не имел, получил лейтенантские погоны и отправился отдавать службе остатки молодости и лучшие годы жизни.

Обменялись с ним визитками. Я позвоню, пообещал Вова. Помнит, однако.

Пока не звонил.

Литовкин Сергей Георгиевич

Родился в середине прошлого века в Калининграде (бывшая Восточная Пруссия) в семье советского офицера. После окончания питерской средней школы начал казенную службу, поступив в военно-морское училище в Петродворце. Служил на кораблях ВМФ в Средиземном море и Атлантике и в испытательных подразделениях на всей территории СССР и за его пределами. Завершил военную карьеру в Генштабе ВС России капитаном первого ранга.

<https://www.litres.ru/sergey-litovkin/>

Алексей Макаров

Нельсон

Жизнь судового механика

Да, этот рейс для меня был одним из самых тяжелых, которые, наверное, были в моей жизни. Я чувствовал себя полностью вымотанным. Иногда было такое ощущение, что я был, как отжатая тряпка. Меня оставалось только повесить на ветру, и я бы болтался на этом ветру без сопротивления и сушился.

Вот и сейчас «Кристина О» ошвартовалась в порту Ватерфорд. От устья речки до самого порта надо было идти еще полтора часа вверх по течению. Иной раз я выходил из машинного отделения, и вместе с Кразимиром, нашим поваром, смотрел на берега реки, перекидываясь незначительными фразами, о том, как изменился облик окружающих холмов, по сравнению с зимними пейзажами.

С тех пор, как я приехал на судно, в декабре месяце, и по сегодняшний день, рейс так и оставался неизменным: Авенмаус – Ватерфорд. И вот, в этом Ватерфорде сейчас опять стоит ошвартованная «Кристина О». Я сидел в ЦПУ и ждал команды об окончании швартовки. Наконец-то я получил команду с мостика – «Отбой».

Как всегда, Володя, наш новый капитан, он приехал из Питера, бодрым голосом командовал:

– Ну что! Машине отбой. Выводи главный. Приготовь всё к стояночному режиму. Продолжительность стоянки – неизвестна.

Я приподнялся с кресла, подтвердил принятие отбоя и пошел останавливать насосы, обеспечивающие ходовой режим.

Поставил главный двигатель на обогрев, дождался, пока компрессор подкачает воздух в баллоны. Убедился, что котёл запустился в автоматическом режиме. И всё. Я могу спокойно покинуть машинное отделение. Контроль над работой механизмов в моё отсутствие, будет осуществляться автоматикой.

В машине уже делать было нечего. Я поднялся в ЦПУ. Сел в своё знаменитое кресло и закурил. Немного передохнул, поднялся на две палубы выше и вышел на главную палубу.

Судно стояло у причала контейнерного терминала. Он был весь полностью огорожен колючей проволокой, только вдоль причальной линии можно было выйти за пределы этого терминала. Все контейнеры стояли внутри этой колючки.

Я посмотрел на небо. Погода была чисто английская. Низкие облака, из которых временами сыпал мелкий и противный дождик. Над гребнями ближайших холмов висел туман. Такая была хмарь, что она как раз подходила под стать моего паскудного настроения. На душе было мутно. Всё вокруг уже настолько опротивело, что я не знал, куда бы себя деть.

Но тут с мостика, грохоча по трапам рабочими ботинками, спустился Володя. Он, как обычно, был весел и доволен.

– Что не весел? – походя, спрашивает он меня.

А я, понимая, что вопрос задан просто так из-за проформы, пропыхтел:

– А что тут веселиться? Встали и ждем неизвестно чего, – но он, также бодро и весело, скасясь своей белозубой улыбкой, ответил:

– Сегодня никаких грузовых операций не будет. Суббота! Так что ждем понедельника. Он-то нам точно принесёт какие-нибудь новости.

– Вот и, слава Богу, – подумал я, – Хоть этой ночью можно будет поспать спокойно в своей кровати.

Я посмотрел на Володю. А он уже и забыл, что только что говорил мне. У него уже были какие-то свои мысли.

Мы с ним прошли на противоположный борт. Встали, опёрлись о планширь фальшборта и тупо глядели на серую воду реки, по которой только что подошли к причалу. На противоположном берегу виднелись какие-то разрушенные старинные строения, около которых плавали лебеди. Полюбовались на этих лебедей. Всё-таки – какая это грациозная птица. Немного помолчав, говорю Володе:

– Пойду я прогуляюсь по берегу. Тоска меня заела.

Он понимающе посмотрел на меня и говорит:

– Пошел бы и я с тобой тоже погулять. Но есть и другие дела. Ладно, иди один, а я займусь бумагами, чтобы хоть вечером немножко отдохнуть. Ты там с прогулкой не очень-то задерживайся. Я заказал агенту пузырьрёк. Он скоро его привезёт. А филины уже готовят барбекю. Так что посидим здесь под тентом, пропустим по надцать граммук на зуб, – так же скажась и улыбаясь, проинформировал он меня.

– Спасибо. Попробую не опоздать, – уже веселее ответил я и двинулся к трапу.

Филиппинцы как раз только что закрепили трап, по нему я и сошел на причал контейнерного терминала.

Я вышел на причал, прошел мимо колючки, затем вдоль старинных полуразрушенных строений, по всей видимости, это были когда-то очень хорошие дома состоятельных людей. Им, может быть, было по лет 200–300. А сейчас от них остались только стены. Межэтажных перекрытий и крыш уже давным-давно у них не было. Внутри стен были только заросли крапивы, чертополоха и – больше ничего.

Я прошел вдоль них и вышел на дорогу, ведущую к трассе, по которой ездили грузовики с полными и пустыми контейнерами. Но, сегодня вечером, в субботу, машин не было. Ворота, как и прежде, были открыты. Только за стеклом будки была видна голова охранника. Он позволительно махнул мне рукой, и я тихонечко пошел вперед.

Куда? Не знаю. Я еще не ходил по этой дороге, просто на карте видел, что до трассы тут было где-то с километр. Подумалось:

– Пройдусь до этой трассы. А там посмотрим, что делать дальше.

Окрестности тут я исходил еще в начале весны. За старинными остатками домов был парк. Его, наверное, посадил прежний владелец. Я не думал, что он и сейчас жив, потому что некоторым деревьям этого парка было далеко за пятьдесят лет, а то и более. Он был весь заросший и неухоженный. Деревья в нем были, на мой взгляд, привезены из многих стран мира, в которых побывал их прежний владелец. Когда я бродил по зарослям этого неухоженного парка, то иногда создавалось впечатление, что я и на самом деле находился в каком-то девственном лесу. Настолько были переплены лианы, кое-где росли пальмы, а иногда на лужайке встречалась группки яблочных и грушевых деревьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.